

Н. А. Ломагин

Постигая смысл блокады: новые методы изучения блокадной повседневности

В краткой рецензии невозможно рассказать обо всех достоинствах этой книги. Остановимся лишь на наиболее важных, на наш взгляд, моментах. Фундаментальная монография профессора Дж. Хасса *Wartime Suffering and Survival* является результатом его многолетней работы в архивах Санкт-Петербурга с целью осмысления феномена блокады Ленинграда как одной из крупнейших гуманитарных трагедий XX в. Столь широкий взгляд на историю блокады весьма ожидаем от социолога, предложившего, по сути, свой взгляд на большевизм как цивилизацию в период войны.

В книге Дж. Хасса много скрытой и открытой полемики о сущности сталинизма (автор предпочитает говорить о большевизме), о войне и блокаде с крупными американскими и российскими историками, включая ученика М. Фуко С. Коткина, а также У. Голдман, А. Пери и С. В. Ярова. Первый, как известно, является автором исторического бестселлера о сталинизме как цивилизации на примере строительства Магнитогорского металлургического комбината, а последний внес огромный вклад в изучение истории блокады двумя монографиями о блокадной повседневности и блокадной этике.

Прекрасно зная историографию блокады и являясь уже почти двадцать лет бессменным организатором дискуссий по истории блокады на ежегодных конференциях Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies — ASEES), Дж. Хасс неизменно ставит крупные вопросы, позволяющие видеть не только

Ломагин

Никита Андреевич

д-р ист. наук, проф.,
Европейский
университет
в Санкт-Петербурге;
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

особенное, но и общее, характерное для развитых обществ, оказавшихся в чрезвычайной ситуации в течение столь продолжительного времени.

Война, столь неудачно начавшаяся для советского народа, стала катализатором многих процессов, которые затронули практически все стороны функционирования государства и общества. Анализу этих изменений на макро- и микроуровнях и ряду фундаментальных вопросов, на которые еще не даны исчерпывающие ответы, посвящена монография Дж. Хасса.

В период блокады, которая продолжалась почти 900 дней, погибло около миллиона гражданских лиц, но еще больше горожан выжило. Как блокадникам удалось остаться в живых? Как многочисленные страдания повлияли на их идентичность? Каким стало поведение ленинградцев и их взаимоотношения на разных уровнях — семейном, по месту работы, в городе в целом? Как изменился Ленинград как социум и объект управления в контексте дискуссий о большевизме как цивилизации?

Огромный фактический материал, включающий сводки ленинградских обкома, горкома и райкомов партии о настроениях населения, а также многочисленные дневники, преломленные через призму социологии П. Бурдьё, позволяет автору по-новому взглянуть на широкий круг вопросов, которые выходят за пределы собственно истории блокады Ленинграда. Среди них выделяются проблемы воздействия войны на трансформацию институтов власти не только с точки зрения создания органов военного управления (об этом написано много), но и функционирования репрессивного аппарата, а также двойственной сущности партийно-советской системы. Во введении к своей фундаментальной книге о сталинизме С. Коткин в свое время предложил отложить обсуждение этих вопросов до лучших времен, когда откроются архивы НКВД. Опираясь на материалы Смольного, а также опубликованные документы регионального управления Федеральной службы безопасности, Дж. Хасс делает успешную попытку дать ответы на эти вопросы.

Как далеко с точки зрения отступления от идеологической нормы может пойти власть, чтобы сохранить контроль над ситуацией в городе и в максимальной степени использовать имеющиеся местные ресурсы, пытаясь не только политически, но и экономически мотивировать население на продолжение борьбы? Когда и при каких условиях социальные институты, включая органы управления и принятые правила поведения, перестают работать? Как их пытались изменить в период блокады, чтобы обеспечить устойчивость, и всегда ли это удавалось?

Автор подробно останавливается на одной из ключевых характеристик поведения ленинградцев, которые он называет «якорями», связывавшими их друг с другом. Ими могли быть еда, семья, представление о недопустимом («значимом Другом»), которые определяли разные типы поведения, начиная с сочувствия и взаимопомощи и заканчивая оппортунизмом и эгоизмом.

Книга побуждает задуматься не только о сути советской системы периода сталинизма, но и в целом сущности социальных отношений и поведения людей. Более того, книга дает богатую пищу для размышления о функционировании политических и экономических систем в условиях длительного кризиса, об их

устойчивости, пределах (качественных и временных) трансформации, (не)обратимости этих изменений и т. д. Таким образом, несомненным достижением Дж. Хасса является уже то, что его видение блокады Ленинграда как исторического феномена становится предметом исторической компаративистики.

Отдельная большая тема, которая получила освещение в книге, касается теневой экономики — неизбежной спутницы дефицита всевозможных ресурсов, прежде всего продовольствия, медикаментов и топлива. Автор рассматривает ее в двух контекстах — политэкономическом и социальном. В первом случае речь идет о хронической для плановой экономики проблеме нехватки товаров первой необходимости, многократно усилившейся вследствие войны и блокады. Автор рассуждает об общих чертах при формировании теневых структур и отношении к ним органов власти, для которой характерным было стремление всячески подавить, прежде всего предложение в операциях на черном рынке. Что касается удовлетворения спроса, то эта проблема преимущественно решалась путем сверхцентрализации, попыток (далеко не всегда успешных) обеспечить учет, контроль и распределение продовольствия, исходя из военной целесообразности, а с весны 1942 г. — задействовать квазирыночные механизмы, включая развитие огородничества, стимулирование ловли рыбы и др.

Социальный контекст показывает отношение к быстро растущему теневому сектору различных групп населения с точки зрения их представлений о желательном и допустимом. На основании многочисленных дневников автор показывает разницу в отношении к черному рынку представителей интеллигенции, рабочего класса, а также управленцев, развивая и углубляя изучение блокадной повседневности и морали, представленные в работах, прежде всего С. В. Ярова¹.

Дж. Хасс начинает с характеристики довоенных практик, норм и этики, с тех привычек, с которыми ленинградцы вошли в войну. Население города было разным, в период индустриализации оно пополнилось выходцами из деревни, которые еще не успели стать петербуржцами/ленинградцами. Неслучайно более 85 % лиц, которые совершили наиболее тяжкие преступления против личности зимой 1941–1942 г., прибыли в Ленинград из других регионов².

Дж. Хасс раскрывает механизм деформации традиционных для разных социальных слоев населения норм и идет дальше С. В. Ярова, показывая многообразие стратегий выживания ленинградцев, которые далеко не всегда нашли отражение в дневниках. К ним относятся получение работы с целью увеличения норм выдачи продовольствия; эвакуация; участие в обмене при наличии у семьи соответствующих ресурсов и даже стремление уйти на фронт. Собственно, преступное поведение было крайней мерой. Особое внимание в монографии уделяется вопросу о том, как изменялось отношение горожан к тому, что они считали возможным употреблять в пищу, а что нет, например своих питомцев — кошек и собак.

На основании изучения большого эмпирического материала Дж. Хасс показывает, что теория перспектив и поведенческой экономики нобелевского лауреата Д. Канемана нашла свое подтверждение и в поведении ленинградцев

в условиях блокады. В парадигме стратегий выживания в большинстве случаев люди шли на риск только тогда, когда все остальные возможности были исчерпаны³. При этом стратегии выживания носили не только ситуативный характер (подчас выбор был невелик), но и опирались на опыт, привычки людей. Некоторые пережили голод в Петрограде, некоторые приехали в Ленинград в 1930-е гг. из голодной деревни, и порог того, что считалось возможным употребить в пищу, был существенно ниже.

Часть ленинградцев знала, что такое черный рынок, толкучка, и легко в него окунулась осенью 1941 г., однако некоторые интеллигенты считали невозможным такое поведение и допустили трагическое для себя (и членов своей семьи) промедление, хотя обладали подчас востребованными на рынке непродовольственными ресурсами. Весьма распространенным среди высокообразованной части населения (особенно творческой интеллигенции) был сюжет, связанный с этикой смерти и нежеланием «умирать недостойно», который, вероятно, заслуживает дополнительного внимания.

Одной из новелл книги является глава, посвященная роли женщин в борьбе за Ленинград. В сравнении с довоенным периодом, когда в гендерном плане безраздельно доминировали мужчины, а женщины, особенно домохозяйки, воспринимались как потенциальный и, пожалуй, единственный резерв рабочей силы города.

Дж. Хасс, безусловно, прав, обращаясь к этой теме. Действительно, в подготовленной Управлением народно-хозяйственного учета основательной 86-страничной аналитической справке «Трудовые ресурсы Ленинграда на 1 января 1941 г.», адресованной А. А. Жданову, был сделан вывод о том, что в Ленинграде было выявлено около 50 тыс. мужчин трудоспособного возраста от 16 до 59 лет, которые не были заняты ни в одной из отраслей народного хозяйства⁴. Однако неиспользованные трудовые ресурсы среди женщин того же возраста были многократно больше и составляли, по оценкам планового органа, 340 тыс. чел., т. е. более трети женщин в этой возрастной категории (1 231 832 чел.)⁵. При этом в качестве реального источника для покрытия потребности в рабочей силе называлась цифра почти вдвое меньше — около 175 тыс. чел. В справке отмечалось, что многие из этих людей ранее не работали и не имели квалификации, а для «вовлечения женщин в сферу общественного производства предстояло решить ряд важных вопросов с обеспечением детей яслями и детскими очагами»⁶.

С началом войны происходит коренное изменение их статуса. Это изменение нашло свое выражение, прежде всего на уровне семей. Экономическая теория гласит, что потенциал выживания при идеальном разделении труда внутри семьи в условиях кризиса намного выше, чем у одиночек. Семья является важным механизмом создания общественных благ — безопасности в особенности, а также отдыха, тепла и сна. Прежде всего, семья дает такую возможность. Она создает предпосылки для элементарного разделения труда — кто-то может постараться найти дрова и принести воду, кто-то берет на себя приобретение хлеба по карточкам. В крепких семьях создавались дополнительные блага, в том числе безопасность. Такие семьи чаще других проходили через

тяготы и страдания и выживали. Но были и другие примеры, которые приведены в рецензируемой монографии (семья Ольги Эпштейн).

С уходом мужчин на фронт и эвакуацией многих предприятий женщины не только заменили их у станков, но стали ключевым ресурсом при организации разного рода работ, начиная с рытья траншей и торфозаготовок вплоть до очистки города весной 1942 г.

Особое место женщины занимали в домохозяйствах, в местной противовоздушной обороне, в госпиталях, на предприятиях торговли. При этом значительная часть женщин вследствие закрытия большей части предприятий не работала и была отнесена к категории иждивенцев. По этой причине женщины подчас выражали свое недовольство, писали письма в Смольный, требуя устранить несправедливость — ведь именно на их долю выпали тяжелейшие испытания, связанные с поиском способов выживания членов их семей, а их мужья и братья защищали Ленинград. На основании множества источников автор убедительно показывает, что женщины оказались намного более приспособленными к вызовам, связанным с блокадой, нежели мужчины, и именно они были важнейшим «якорем», обусловившем стойкость ленинградцев.

Опираясь на дневники, воспоминания, интервью, сводки правоохранительных органов и другие официальные источники, эта книга рассказывает о жизни простых ленинградцев в условиях войны, голода и чрезвычайной неопределенности. Отношения между людьми и сокращение социальной дистанции становятся особенно важными в условиях, когда государство и его институты начинают давать сбои. Оппортунистическое поведение одних (включая коррупцию в системе торговли и преступность), а также растущее ощущение безнадежности осенью 1941 г. и в тяжелейшие месяцы первой блокадной зимы уравнивались в какой-то степени взаимопомощью и простыми человеческими отношениями большинства горожан.

В заключение отметим, что это, пожалуй, первая книга о блокаде, написанная крупным зарубежным социологом. Убежден, что монографию Дж. Хасса необходимо перевести на русский язык, в том числе и потому, что она ставит по-новому множество вопросов о, казалось бы, давно изученных сюжетах, а также существенно расширяет инструментарий для дальнейшего исследования различных аспектов блокады, войны и сталинизма.

¹ Яров С. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.: Центрполиграф, 2012.

² Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / под ред. А. Р. Дзенискевича. СПб.: Лики России, 1995. С. 422.

³ Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014. С. 365–367.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5115. Л. 92.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 92.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ломажин Н. А. Постигая смысл блокады: новые методы изучения блокадной повседневности // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 4. С. 833–839.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.408>

Аннотация: В статье рассматривается книга Джеффри Кеннета Хасса, которая является результатом его многолетней работы в архивах Санкт-Петербурга с целью осмысления феномена блокады Ленинграда как одной из крупнейших гуманитарных трагедий XX в. Столь широкий взгляд на историю блокады весьма ожидаем от социолога, предложившего, по сути, свой взгляд на большевизм как цивилизацию в период войны. В книге Дж. Хасса много скрытой и открытой полемики о сущности сталинизма (автор предпочитает говорить о большевизме), о войне и блокаде с крупными американскими и российскими историками, включая ученика М. Фуко С. Коткина, а также У. Голдман, А. Пери и С. В. Ярова. Прекрасно зная историографию блокады и являясь уже почти 20 лет бессменным организатором дискуссий по истории блокады на ежегодных конференциях Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES), Дж. Хасс неизменно ставит крупные вопросы, позволяющие видеть не только особенное, но и общее, характерное для развитых обществ, оказавшихся в чрезвычайной ситуации в течение столь продолжительного времени. Опираясь на дневники, воспоминания, интервью, сводки правоохранительных органов и другие официальные источники, эта книга рассказывает о жизни простых ленинградцев в условиях войны, голода и чрезвычайной неопределенности. Отношения между людьми и сокращение социальной дистанции становятся особенно важными в условиях, когда государство и его институты начинают давать сбои. Оппортунистическое поведение одних (включая коррупцию в системе торговли и преступность), а также растущее ощущение безнадежности осенью 1941 г. и в тяжелейшие месяцы первой блокадной зимы уравнивались в какой-то степени взаимопомощью и простыми человеческими отношениями большинства горожан.

Ключевые слова: блокада, Великая Отечественная война, СССР, Ленинград, Сталин.

Сведения об авторе: Ломажин Н. А. — д-р ист. наук, проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); lomagin@eu.spb.ru

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1 А

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Lomagin N. A. 'Understanding the Meaning of the Blockade: New Methods for Studying Blockade Everyday Life', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 4, 2023, pp. 833–839.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.408> (In Russian)

Abstract: The book by Jeffrey Hass *Wartime Suffering and Survival* is the result of his many years of work in the archives of St. Petersburg in order to comprehend the phenomenon of the blockade of Leningrad as one of the largest humanitarian tragedies of the twentieth century. Such a broad view of the history of the blockade is highly expected from a sociologist who offered his own view of Bolshevism as a civilization during the war. The book by J. Hass contains a lot of hidden and open polemics about the essence of Stalinism (the author prefers to talk about Bolshevism), about the war and the blockade with major American and Russian historians, including M. Foucault's student S. Kotkin, as well as W. Goldman, A. Perry and S. V. Yarov. Knowing perfectly the historiography of the blockade and being the permanent organizer of discussions on the history of the blockade at the annual conferences of the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies for almost twenty years, J. Hass invariably raises major questions that allow one to see not only the special, but also the general, characteristic of developed societies caught in an emergency situation for such a long time. Based on diaries, memoirs, interviews, law enforcement reports and other official sources, this book tells about the life of ordinary Leningrad-

ers in conditions of war, famine and extreme uncertainty. Relations between people and the reduction of social distance become especially important in conditions when the state and its institutions begin to falter. The opportunistic behavior of some (including corruption in the trading system and crime), as well as the growing sense of hopelessness in the autumn of 1941 and in the hardest months of the first blockade winter, were balanced to some extent by mutual assistance and simple human relations of the majority of the townspeople.

Keywords: Blockade, Great Patriotic War, USSR, Leningrad, Stalin.

Author: *Lomagin N. A.* — Dr. Sci. in History, Professor, European University at St. Petersburg; St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); lomagin@eu.spb.ru

European University at St. Petersburg, 6/1 A, Gagarinskaya ul., St. Petersburg, 191187, Russia

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow* (Moscow, 2014). (Rus. Ed.)

Leningrad under siege. Collection of documents about the heroic defense of Leningrad during the Great Patriotic War. 1941–1944, ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 1995). (In Russian)

Yarov S. *Blockade Ethics: Ideas about Morality in Leningrad 1941–1942* (St. Petersburg, 2021). (In Russian)

Received: January 20, 2023

Accepted: July 31, 2023